

БОЛЬШЕ

ЧЕМ

ЖИЗНЬ

АЛЕКСАНДР КИРНОС

12+

Александр Кирнос
Больше, чем жизнь

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кирнос А.

Больше, чем жизнь / А. Кирнос — «ЛитРес: Самиздат», 2019

1897 год. Семнадцатилетняя Лия Эйлин отправляется с отцом в Канаду, к местам, где у озера Атлин развернулась Золотая лихорадка. В это время в лесу рядом живет юноша-отшельник Джей со своим верным псом по имени Дарк. Волею случая и страшных событий, охвативших это некогда тихое место, Джей спасает Лию из лап смерти, но отец девушки оказался в плену у банды орудующих головорезов, которые промышляли грабежом старателей. Вместе они отправляются на его поиски, попутно преодолевая опасности и спасая друг друга, чтобы в конце пути столкнуться с величайшей угрозой, нависшей над всеми, и узнать о своем истинном предназначении.

© Кирнос А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Пролог

И в день второго пришествия ангела,

явисься ты.

Один

Горячий шершавый язык осторожно лизнул его в нос, и сквозь полудрему Джей услышал нетерпеливое сопение пса и ощутил его теплое дыхание на своем лице. Недовольно пробурчав что-то нечленораздельное, мальчик с трудом открыл один глаз, и его взору представилась вполне себе обыденная картина для каждого утра последних трех лет его жизни: на него немигающим внимательным взглядом пронизывающих серых глаз смотрел белый с серыми подпалинами пес, с торчащими вверх ушами и с беспрестанно виляющим хвостом. И за эти последние три года изменились разве что размеры собаки.

– Ты меня поражаешь, Дарк, – спросонья стал ворчать на своего питомца его недовольный хозяин, – На улице сейчас темнее, чем на самом дне Большой воды, и к тому же у меня сегодня день рождения. Не бог весть какая дата, но ты мог хотя бы ради приличия проявить уважение и разбудить меня хоть на часок попозже?

Пес, склонил голову набок, немного согнув уши, пытаясь скрыть за притворно-извиняющимся взглядом, веселые искорки, которые будь он человеком, превратились бы в заразительный смех. Казалось, что этим глазам любой мог бы простить что угодно, но только Джей видел его уже столько раз, что только и смог произнести:

– Ой, ладно, кого ты пытаешься обмануть этим своим взглядом? А впрочем, ты же все равно теперь от меня не отстанешь, так ведь?

Дарк завилял хвостом с еще большей скоростью, и начал кружиться на месте, как юла, весь в нетерпении, ожидая от этого дня чего-то нового и интересного, чего ожидает любой пес в его возрасте. Ему не терпелось выскочить на улицу, обойти каждую ловушку, поставленную вчера им и Джем, обнюхать каждый камень и каждое дерево, вдохнуть аромат хвои, ощутить дуновение холодного ветра каждой своей шерстинкой, услышать каждый звук пробуждающегося ото сна леса.

– Ладно-ладно, встаю, куда от тебя денешься.

С этими словами Джей сладко потянулся в кровати в последний раз, протер глаза, чтобы привыкнуть к полумраку, льющемуся из окна, который создавался из-за выпавшего на днях чистого, как душа леса, снега. Откинув одеяло, он сел на краю кровати и уставился в стену напротив.

Так наступил его семнадцатый день рождения. И это был уже второй год, как он встречал его один. Дарк увидев задумчивое лицо своего молодого хозяина, остановился в своем бесконечном кружении, слегка опустил уши и посмотрел на него своим все понимающим взглядом. И он действительно все понимал.

Поймав этот взгляд, Джей встрепенулся, словно окончательно стряхнув с себя остатки сна и грустных мыслей, встал и начал одеваться. Затем аккуратно застелил постель, сделал некое подобие зарядки, как учил его отец, и направился к печи, где дотлевали, брошенные туда прошлым вечером дрова. Затем окинул взглядом почти пустую поленницу и чуть слышно вздохнул: нужно было запастись дровами и сделать это как можно быстрее, потому что с каждым днем спокойная жизнь «его небольших владений» становилось все более беспокойной и небезопасной. Берега Большой воды и близлежащих рек «обрастали» вновь и вновь пребывающими людьми, ищущими быстрого и легкого способа стать богатыми и обрести все и сразу. Берега стали похожи на небольшие, стихийно возникшие городки, в которых жили самые рискованные, безумные, отчаявшиеся, и бесстрашные люди, которые каждый день играли в лотерею со смертью, в надежде дать той под дых и уехать отсюда с полными карманами и ощущение

нием того, что они совершили нечто стоящее. Только Джею все представлялось совершенно в ином свете.

Он толком не понимал, что они пытаются здесь найти, превращая берега в пепелища, днями и ночами окуная лотки с породой в реку, пытаясь приобрести то, что для него является всего лишь одной из частей матери-земли. Но для них эта золотая пыль была, казалось, важнее всего другого. Она снилась им, грезилась наяву, и каждый прибывший сюда больше всего на свете мечтал, что именно его участок станет золотоносным, даст его владельцу все, чего он так желает, позволит вмиг подняться над другими. Если человек был беден, он хотел стать в ряд с богатыми, если человек уже был богат, он жаждал преумножить свое «величие», взлететь еще выше, стать еще более могущественным, «возвыситься» над своими конкурентами, показать всем, что он не хочет останавливаться, что того, что у него уже есть, ему недостаточно. Амбиции – одна из тех вещей, которые заставляли людей прибывать сюда снова и снова. А еще глупость, жадность, отчаяние, мечты и простая жажда легкой наживы. Многие из этих причин были непонятны чистому и незатуманенному разуму семнадцатилетнего юноши, который бесконечно любил свою жизнь, которая казалась ему такой же прекрасной вещью, как и все, что его окружало: лес, его обитатели, ручьи, предгорья и равнины, птицы и рыбы, небо и земля, все, что мог ухватить его взгляд, что он мог почуять или услышать, почувствовать или ощутить каждой клеточкой своего тела. Его жизнь для него была прекрасна. За исключением одного: он был один. И эта мысль часто не давала ему покоя. С тех пор как умер отец, прошло уже больше чем двадцать лун, но свыкнуться со своим одиночеством он все еще не сумел. Совсем много думать об этом ему не давал Дарк, но как бы умен не был его пес, ему снова хотелось услышать какое-нибудь мудрое замечание своего отца, или утром, едва проснувшись, ощутить аромат свежесваренного им травяного чая, или часами наблюдать, как тот вырезает фигурки из дерева, аккуратно очерчивая кончиком ножа мельчайшую деталь будущей игрушки. Больше всего он любил вырезать птиц. Наверно поэтому он назвал сына Джеем*.

С этими мыслями он еще несколько минут неподвижно стоял, смотря на аккуратно стоящие на полочке рядом с окном, деревянные фигурки птиц и зверей, которые также внимательно наблюдали за юношей своим немигающим взором, словно пытаясь ему что-то сказать, но не в силах этого сделать. С трудом оторвав от них взгляд, Джей подошел к окну своего жилища и попытался разглядеть за смутными очертаниями деревьев, какой-то намек на движение, но ничего не заметил. Затем он снова подошел к печи, выгреб оттуда золу и бросил два самых крупных бруска из поленницы. Потом взял чайник, накинул на себя парку и сапоги, быстро открыл дверь, выскочил на улицу, не давая Дарку сделать то же самое, набрал его до полна снегом, забежал обратно и поставил кипятиться. Заметив укоризненный взгляд пса, он улыбнулся.

– Не сейчас Дарк, сначала завтрак.

Услышав слово «завтрак», тот сменил гнев на милость и снова радостно завилял хвостом. Джей улыбнулся и пошел в кладовую. Открыв дверь и зайдя туда, он окинул взглядом скудные остатки своего пропитания: двенадцать полосок вяленого мяса оленя, которого он растягивал добрых полгода, потому что не был таким же прекрасным охотником, как его отец, разделанная тушка молодого зайца, на днях попавшегося в его силки, туесок с травами для чая, шесть сушеных рыбин и вчерашний улов в виде небольшого хариуса, который лежал в, чуть наполненном водой, берестяном корытце. Все это да несколько небольших косточек куропатки, которая попала в его ловушку несколько недель назад. Немного помедлив, он взял туесок с травами, берестяную плошку с хариусом и эти самые остатки скелета птицы, постоял там еще несколько секунд, снова задумавшись о том, что ему делать, если все будет идти так же, затем развернулся и вышел, закрыв за собой дверь на крючок.

– Держи Дарк, – произнес он, положив в миску пса косточки, – Не бог весть что, но все же.

Но пес казалось, не обратил внимания на грустный голос хозяина, радостно вильнул хвостом, лизнул тому руку и начал своего трапезу, мощными клыками разгрызая кости, будто те были бумажные.

Джей же снял с огня закипающую воду, перелил кипяток в маленький глиняный заварной чайничек, предварительно отсыпав туда немного трав и прикрыл его крышкой, чтобы дать настояться, а сам тем временем быстро разделал рыбину, бросив скелет, уже догрызающему кости куропатки, Дарку. Затем аккуратно разрезал ее на тонкие полоски, положил на некое подобие сковороды, слегка смазав ее оленьим жиром, и поставил жариться, медленно переворачивая деревянной лопаткой кусочки хариуса, чтобы тот обжарился со всех сторон и не пригорел. Когда рыба приготовилась, он переложил ее в глиняную тарелку, чинно уселся за стол и принялся за свою трапезу. Съев пару кусочков, он взглянул на, уже закончившего свой завтрак, пса, встал и выложил тому на тарелку остатки своего, ласково потрепав того за ухом.

– У меня же сегодня день рождения, а это как никак праздничный обед, – он едва заметно улыбнулся, принял влажный поцелуй в щеку от благодарного Дарка и пошел убирать за собой. Налив в жестяную кружку заварившийся чай, он вылил на сковороду и тарелку остатки успешного слегка остыть кипятка, вымыл посуду, перевернул ее, поставив сушиться. Выпив почти залпом свой чай, он, наконец, почувствовав прилив сил, снова обратил свой взгляд на облизывающегося пса и, улыбаясь, спросил:

– Ну что, прогуляемся, Дарк? Кажется, уже светает.

По реакции пса, Джей все стало понятно. Он засмеялся, увидев вскочившего на все четыре лапы Дарка, который начал носиться по хижине, что мальчик даже слегка испугался, не снесет ли тот стены, желая поскорее выскочить на улицу. Поэтому, не мешкая, одел сверху на нательную рубаху еще одну теплую, сшитую еще его матерью, теплые штаны из лосиной шкуры, парку с капюшоном, перчатки из кроличьего меха, закрепил пояс с сумкой для дичи и бурдюком для рыбы, взял свой лук и нож из кремня, который когда то принадлежал его отцу, открыл дверь и полной грудью вдохнул свежий морозный воздух леса. Следом за ним выскочил Дарк, и пока мальчик закрывал дверь, захлопнув ее как можно плотнее, чтобы не выходило тепло, тот уже пометил свою небольшую территорию перед хижинкой и носился вокруг Джей. Мальчик направился по знакомому маршруту, чуть петляя между протоптанных тропинок. Проверив две пары силков, они ничего не нашли и юноша погрузился в уныние, понимая, чем такое невезение может грозить. В третий силок кто-то попался, но смог выбраться, однако не без труда и явно не без вреда здоровью. Это была куропатка, судя по следам на снегу, которые вели в сторону от силка. А через несколько десятков метров следы были уже окроплены капельками крови: видимо раненую птицу разглядела белая сова и попыталась унести ее в свое гнездо сумев поранить ее еще больше прежнего, однако та забилась в сугроб в трех метрах от того места, где начала истекать кровью. Джей аккуратно достал еле живую птицу, которая была уже не в силах сопротивляться, прошептал ей слова благодарности за то, что ее жизнь поможет его жизни и жизни Дарка, и одним легким движением свернул ей шею, прекратив мучения куропатки. Затем положил тушку в сумку и двинулся дальше. Следующим по плану была проверка сетей в одном укромном месте, куда еще не добрались старатели. Приблизившись к границе леса, он выглянул из-за нее, осматривая берег озера, но не заметил поблизости ни одной живой души. Он осторожно вышел из опушки, подошел к берегу и проверил сети. Тут ему повезло гораздо больше. В сети попались два очень крупных сига и хариус размером чуть большим, чем его ладонь. Он был мал для того, чтобы стать для него пищей, и Джей аккуратно выпустил трепыхающуюся рыбу обратно в озеро. Двух же сигов, он быстро умертвил при помощи отцовского ножа, опустил их в бурдюк за поясом и медленно пошел обратно к опушке. Однако развернувшись и взойдя на пригорок, перед тем как войти в лес, он мельком взглянул направо и увидел нечто привлекающее его внимание. В метрах трехстах от того места, где он вышел из леса, на краю неглубокого оврага мальчик увидел что-то ярко-

синего цвета, и это что-то было ясно видно даже в утренних сумерках. Чуть помедлив, Джей двинулся по направлению к этому логу. Пес, бежавший впереди, удивленно взглянул на хозяйина, но все же двинулся за ним. Когда до цели оставалось не больше двадцати метров, Дарк остановился и оскалил зубы. Шерсть на его загривке встала дыбом. Джей понял: там чужак. Он остановился ненадолго, но все же любопытство взяло вверх над осторожностью и он медленно, чуть пригибаясь, двинулся на этот небесного оттенка маяк. Пес шагал рядом, все еще скалясь. И вот они уже подошли совсем близко к оврагу и на его краю увидели то, что привело их сюда. На секунду Джей опешил. То, что так ярко сияло в утреннем мареве, был шарф, зацепившийся за торчащий у края обрыва куст. Но главное было не это. В пяти метрах ниже лежала девушка с волосами белого цвета. Она явно была без сознания, нога неестественно вывернута, волосы растрепаны по земле, на лице и руках куча ссадин и синяков. Не зная, что ему делать, юноша на минуту замешкался, однако Дарк разобрался со всем раньше. Видимо он не почувствовал ее потому что девушка упала в овраг с подветренной стороны, очевидно из-за этого раньше них, ее не нашли другие животные, иначе от нее не осталось бы и костей. Пес перестал скалиться, спокойно спустился к лежащему телу, обнюхал ее с ног до головы, поднял голову на хозяйина, словно предлагая тому спуститься. В его глазах не было предупреждения или знака, что это опасно, только неподдельное любопытство. Джей аккуратно спустился в овраг, подошел к девушке и дотронулся до ее руки. Лицо ее было серого цвета, губы практически почернели от холода. Его тонкие черты: заостренный, чуть вздернутый носик, усыпанный веснушками, впалые, видимо от голода, скулы, будто стали еще острее на этом адском морозе. Девушка была холодна как лед, на ней была совсем легкая куртка из какой-то странной гладкой ткани, которая задубела на морозе и больше походила на кору столетнего дерева и тонкие брюки, едва защищающие от стоящего утреннего мороза. Но жизнь еще теплилась в ней. Понимая, что он не может поступить иначе, Джей снял свою верхнюю куртку, надел на девушку, взял ее на руки и осторожно двинулся по направлению к опушке леса. Дарк бежал впереди, охраняя своего хозяйина. Они шли домой. К теплу, который единственный сейчас мог помочь этой девушке.

Глава 1

Золото ждёт.

Все, вплоть до последней заплатки на палатке, было пропитано дымом. Казалось, что само небо состоит из смрада, создаваемого этими проклятыми кострами. Все, в основном, работали молча, изредка бросая друг другу быстрые фразы, которые тонули в общей массе звуков, состоящих из треска поленьев, охваченных огнем, стука лопат об лопаты и голоса озера. Ох, как же оно было недовольно. Его, совсем недавно спокойная, жизнь сейчас напоминала возникший из ниоткуда, разбитый, но упорядоченный хаос.

Девушка семнадцати лет, наблюдавшая за всем этим, смотрела на происходящее так, что казалось, будто она умирала по мере того, как умирала и земля вокруг нее. Еще месяц назад она находилась в Пенсильвании и думала, что хуже места нет, но сейчас не ручалась за это. А постоянные разговоры о том, на что похож изначальный конечный пункт их пути – Доусон, заставляли ее поверить, что все самое плохое еще впереди. Но, в конце концов, она по сути сама напросилась на эту поездку. Узнав, что ее отец едет на очередные поиски быстрого заработка в Канаду, – место, суровые условия которого помогли бы ей отвлечься от постоянно терзающих ее мыслей о будущем, она, не задумываясь, поставила тому ультиматум: или она едет с ним или уходит из пансиона. Чистой воды блеф, но такой человек, как Эдвард Марлоу прекрасно понимал, что эта девушка – истинная дочь своей матери, а значит никогда нельзя знать наверняка, что она выкинет.

Он принадлежал к некогда богатейшему роду Америки, начало которому положил его прадед, который сумел подняться благодаря тому, что предугадал, как может изменить жизнь простого человека, кусок металла спрятанного под землей. Прииски были его домом. Он смог

стать одним из самых богатых людей в стране за какие-то десять лет, но вот его наследники были не так предприимчивы как он. За те полвека, что канули в лету после смерти Оуэна Марлоу, его родственники умудрились прокутить практически все, и только фамилия, которая все еще вызывала уважение в высшем кругу, помогала его отпрыскам держаться на плаву. Именно фамилия стала причиной брака Эдварда Марлоу – младшего из четырех правнуков основателя богатейшей семьи Америки, с Анной Эйлин. Фамилия и расчетливый план. Это была своего рода выгодная сделка. Она – истинная аристократка, единственная дочь графа Хэмпширского, с огромным приданным, он – будущий наследник богатого рода, который, судя по всему, был наиболее похож на своего знаменитого предка, из всех своих братьев, получивший лучшее образование, и уже успевший выделиться тем, что именно его многочисленные идеи позволяли фамилии Марлоу оставаться на слуху. Именно Эдвард Марлоу понял, что этот брак поможет его планам помешать банкротству семьи и именно поэтому он тщательно и в течение долгого времени упорно добивался расположения графа Хэмпширского и его дочери. Безупречные манеры выделяли его среди многих нуворишей того времени, которые не имели титулов, но имели невероятно-огромные амбиции. Помимо этого, Эдвард Марлоу был очень умен, расчетлив, умел грамотно распределять свои небольшие средства и таланты на то, чтобы всегда быть на шаг впереди остальных. Он с самого детства видел себя гораздо выше того места, где находился, поэтому без особой жалости относился к любому, кто стоял на его пути. То хладнокровие, коим обладал этот человек, граничило с жестокостью и безжалостностью дикого зверя, и четко видя перед собой цель, Эдвард Марлоу был способен, казалось, на все. После женитьбы, дела его семьи пошли в гору, благодаря его грамотному управлению приданным своей жены. Он инвестировал большую часть средств в ряд выгодных предприятий, приносящих небольшой, но стабильный доход. Но его планы шли далеко впереди этого. Он ждал своего шанса сорвать куш, и так же, как и Оуэн Марлоу в раз взлететь на невиданную высоту, опровергнув выражение, что выше головы не прыгнешь.

Анна Эйлин была той единственной, над кем Эдвард Марлоу был не властен. Гордая и непоколебимая в своих принципах, она не пыталась изменить своего мужа, понимая тщетность этой идеи, напротив воздавая должное его способностям и характеру. Но вот свою дочь она воспитывала совершенно в другом ключе. Не акцентируя внимание на отдельных личностях, она помогла Лии научиться отличать людей, которые достойны уважения от всех остальных. Лие казалось, что ее мать несчастна, несмотря на то, что та никогда об этом не говорила. Гордость – одна из тех черт Анны Эйлин, что передалась и ее дочке. Когда Лии было 13, ее мать после долгой борьбы с болезнью сердца, убивающей ее на протяжении многих лет, умерла. Это был невероятно сильный удар для девушки. Она очень долгое время, да и до сих пор не смогла смириться с тем, что отныне она совершенно одна в этом мире. Ее мама была для нее всем: и подругой, и учителем, и тем единственным человеком, который ее понимал. Отца она практически не видела, тот всегда был погружен целиком в свои дела. Ей не нравилась его безумная жажда славы, она презирала в нем это, хоть и уважала отца за его во многом справедливый подход к делу, беспристрастный характер и твердую руку. Видеть достойные черты характера в любом человеке, ее научила мать. И руководствуясь именно ее урокам, Лия прокладывала свой путь. Проблема была лишь в том, что люди, которых бы она смогла назвать достойными во всем, ей не попадались, а с другими она предпочитала не проводить больше времени, чем могла себе позволить, а лучше вообще не сталкиваться. Многочисленные выходы в свет, которые устраивал ей отец, не приводили ни к чему хорошему. Ее тошнило от здешнего общества. Девушки ее круга говорили только о моде, кавалерах и о том, как они проводят время, тратя сбережения своих отцов, причем Лию удивляло, как они вообще были способны что-то говорить, а тем более двигаться, стянутые корсетами до такой степени, что было слышно как трещат нитки, когда те набирали воздуха в грудь для того, чтобы выдать очередную увлекательную историю. Мужчины же этого круга были для нее ненамного более приятными собеседниками.

По сути, он говорили о том же самом разве что, не упоминая других девушек в разговоре с очередной пассией. Из всех мужчин ее возраста, она питала уважение лишь к немногочисленным отпрыскам семей, которые для своих детей прочили военную карьеру, благодаря чему те получали военное образование и во многом имели прекрасное воспитание и манеры. А еще Лия уважала будущих военных во многом благодаря тому, что те чаще всего молчали или говорили только тогда, когда это было необходимо.

К своим семнадцати годам Лия расцвела. Она была красива и нежна. Ее образованности мог бы позавидовать любой взрослый человек высшего света, благодаря тому, что девушка большую часть времени уделяла самообучению. Понятно дело, что от кавалеров не было отбоя, да только Лии это было не нужно, и имя ее отца на многих ухажеров наводило чувство постоянного напряжения, потому как каждый знал, насколько он строг. А кто не знал, сполна потом это на себе испытывал.

Лия искала себя. Каждый день, вспоминая уроки своей мамы, она думала о том, как ей придется в будущем, что ее ждет и чего она сможет добиться. И ясно понимала то, что не хочет быть такой же несчастной. Она мечтала вырваться из этого замкнутого круга лжецов и лицемеров. Лия жаждала свободы. Наверно именно эта жажда толкнула ее поехать со своим отцом на поиски его вожделенного богатства. Лия хотела увидеть хоть что-то отличающее места, где она выросла от других мест.

Эдвард Марлоу был одним из первых, кто понял, что разговоры о новых золотых месторождениях на Юконе, не просто слухи. За считанные недели он все рассчитал. Конечным местом его путешествия по плану был Доусон, и изначально, и он, и его компаньон Роджер Дреск, туда и направлялись. Лия обещала не путаться под ногами, и ее отец, хоть и с трудом, но разрешил той поехать с ним, предупредив о том, что это будет не выездная прогулка в соседнее поместье на удобной повозке. Впрочем, девушка на это и рассчитывала.

Но на пути в Доусон, их путь пролегал через озеро Атлин, рядом с которыми располагались его братья - Тагиш и Марш, на берегах которых и началась тогда небольшая золотая лихорадка, переросшая позже в Клондайкское безумие. Десятки тысяч людей направлялись тогда в Юкон в поисках легкой наживы, наслушавшись рассказов о том, как кто-то отправился туда с сотней долларов и вернулся с миллионами. Но только многие не учитывали того, что все это сродни игры в русскую рулетку. Десятки тысяч людей. Больше половины даже не доезжали до места назначения, четверть погибали на пути туда, переправляясь через горы или по воде, или уже находясь на приисках, сраженные тифом, продолжая копать в надежде на чудо, но так его и не найдя. Лишь единицам удалось вернуться оттуда не то что разбогатевшими, а просто живыми и здоровыми.

Но Эдвард Марлоу и его друг знали, на что подписываются. Это было их далеко не первое рискованное предприятие, но благодаря тому, что эти двое обладали невероятным характером и умом, раз за разом, они умудрялись извлекать выгоду из всего, за что брались. Именно поэтому они решили остановиться у озера Атлин, узнав, что дальнейший путь куда сложнее и опаснее, а рядом уже есть то, что им нужно. Лии казалось, что они решили это, просто обменявшись взглядами. Прибывшие туда одними из первых старатели, уже вовсю боролись с климатом этих земель. Большинство из них были опытными, успешными повидать на своем веку немало золотых бумов, людьми. И очень многие были тут знакомы, как завсегда и игорных клубов, каждую пятницу выбирающиеся из дому, чтобы сыграть партию в бридж.

Отец Лии и мистер Дреск за несколько часов разобрались во всем, что касалось дела, зарезервировали участки, которые, как им обещали, должны были стать золотоносными, приобрели все необходимое, разузнали о том, как бороться с условиями этих мест и какие правила

нужно соблюдать. Всегда есть правила. Прописанные на бумаге или нет, но они есть всегда и в любом деле. И Эдвард Марлоу, ровно, как и Роджер Дреск прекрасно это знали.

За меньше чем сутки они сколотили небольшую хижину в пятидесяти метрах от берега озера, который являлся их участками, соединенными вместе. Так как и отец Лии и Дреск складывались поровну, то условия были простыми: на каком бы участке не была найдена порода, она делится пополам. Им предстояла тяжелая непрерывная работа и эти двое к ней были готовы сполна. Лия видела, как горели их глаза, когда они обсуждали план действий, словно два полководца, решающих какую стратегию им выбрать для очередного боя. Чтобы бороться с вечной мерзлотой, приходилось жечь костры прямо на берегу, из-за чего участки, постепенно заполнявшиеся все новыми лицами, были похожи на ад. Черные от сажи и копоти, маленькие человечки усердно копались в прожженной земле, погружаясь все глубже, ища вождельные золотые жилы, промывали лотки с породой в озере, из-за чего оно постепенно становилось похоже на болото.

Взор Лии еще раз окинул эту мрачную картину, возникающую в утреннем полумраке. Многие уже не спали и потихоньку продолжали свои поиски, но отец и Дреск, которые работали вчера при свете костров чуть ли не до полуночи, спали, казалось, словно убитые. Роль Лии была проста: она готовила еду и не мешалась. Очень часто девушка уходила подальше от мест скопления старателей, до тех пор, пока небо не приобретало свой привычный оттенок. Туда, где не было дыма и не пахло смолой. Лия была наслышана о том, что эти места кишат дикими животными и ей не стоит гулять одной, но отец не останавливал ее насильно от этих прогулок, просто давал ей с собой свое ружье. А уж стрелять девушка умела не хуже любого охотника. В то время как другие девушки ее круга изучали моду и подобную, бесполезную, по ее мнению ерунду, Лия училась быть самостоятельной, и отец ее поддерживал в этом по мере того, как вообще мог это делать, находясь дома не больше дня в месяц. Девушка училась стрелять, ездить верхом, готовить, невзирая на то, что у них был штат из двух поваров и четырех кухарок. Лия проявляла интерес ко всему, что требовало от нее затрат и умственных и физических способностей. Очень много времени она проводила за тем, как наблюдала за работой их садовника и училась у него как выращивать те или иные растения, ухаживать за деревьями, также он научил ее обращаться с плотницким инструментом и тем, как можно применить все эти знания на деле. К своему 16 дню рождения Эдвард Марлоу все чаще видел свою дочь в мужских охотничьих брюках и кожаной охотничьей куртке, нежели в платьях и шляпках. Несмотря на то, что его сложно было удивить, с каждым днем он поражался тому, как Лия становится похожа на свою мать.

Она вдохнула запах хвои. В трехстах метрах виднелась опушка леса, и непонятно по какой причине, но ее тянуло туда. Только осторожность брала свое. Храбрость храбростью, умение стрелять тоже хорошее дело, но наткнуться на медведя гризли или стаю волков, девушке вовсе не хотелось, поэтому побродив некоторое время рядом и изучив местную флору, Лия возвращалась обратно в лагерь. В этот раз она чуть задержалась. Девушка присела на пень, срубленного старателями дерева и стала внимательно всматриваться в чашу леса, будто желая увидеть там что-то или кого-то, что изменит ее жизнь. Посидев так минут пятнадцать и понимая, что пора возвращаться, девушка встала и пошла обратно к смогу и огню. Дойдя до хижины, Лия оглянулась вокруг и не увидела привычно занимающихся делом отца и его товарища. Открыв дверь, она тут же услышала резкий голос отца:

– Зайди и быстро закрой вход.

Лия зашла и ее взору предстала картина, которая произвела на нее неизгладимое впечатление. Ее отец и Роджер Дреск сидела на полу, держа в руках лоток с тускло светящимися в нем крупными, величиной с голубиное яйцо, золотыми камнями вперемешку с более мелкими,

напоминающими песок с земляным оттенком. Грязные с ног до головы, они сидели, смотрели на эти камни безумными глазами и улыбались во весь свой рот.

– Наконец-то мы нашли его, – шептал Дреск, – я знал, что удача улыбнется нам, знал.

– Она улыбнулась нам не только потому, что мы знали и верили, а потому что мы хотели этого. Человеческое желание решает все, – Эдвард Марлоу взял в руки один из крупных камешков, покрутил его перед глазами, улыбнулся, обнажив левый уголок рта, и подкинул его вверх, ловко поймав двумя пальцами.

– Золото ждет нас, Роджер, золото ждет.

Глава 2

Голос земли

– Лия, ни слова никому, что мы нашли золото, тебе понятно? – отец смотрел на нее так, что девушке казалось, будто он говорит той самую важную вещь в жизни, только для нее это было не тем, что *ей* хотелось услышать.

– Тут поползли слухи, о пропаже только что нашедших золото старателей, которые исчезли, едва успев обрадоваться своему успеху и растрезвонив об этом всем, кому не лень. В этих местах нет закона. По крайней мере, сейчас. Нам стоит быть осторожными. Да и к тому же, стоит нам сказать, что мы наткнулись на жилу, как сюда слетится куча народу. Пока ближайšie к нам соседи в трехстах метрах от нас, но если все узнают, то они будут жить у нас на головах, постоянно суя свой нос в наши дела.

При этих словах, сидящий рядом Роджер Дреск, спешно высыпал содержимое лотка в небольшой лощенный мешочек и плотно завязал его, после чего аккуратно уложил на дно своего рюкзака.

– Я поняла, – только и смогла произнести Лия и нервно сглотнула, глядя на посеревшие, каменные лица этих двоих.

– Отлично, с этого дня не отходи от хижины дальше, чем на расстояние, когда мы сможем услышать твой крик. А лучше вообще не уходи никуда. Я чувствую неладное, а мое чутье меня редко подводит. Держи при себе ружье, никогда не гуляй без него. Только теперь больше опасайся людей, нежели волков.

С этими словами ее отец встал, покопавшись в своей сумке, достал из него новенький револьвер, спрятал его за пазуху и вышел. За ним, чуть помедлив, вышел Дреск.

– Приготовь что-нибудь поесть, девочка, мы скоро закончим, – бросил он, обернувшись.

Лия еще пару минут стояла, уставившись на стену этого маленького, словно кукольного, домика. И отчего-то у нее появилось безумное желание выскочить отсюда и бежать, куда глаза глядят до тех пор, пока она не выдохнется и не упадет без сил, но все равно ползти все дальше и дальше от этого места. Затем встрепенулась, словно выбрасывая все эти мысли из головы и принялась за готовку.

Прошло около недели с тех пор, как отец Лии и его друг смогли наткнуться на золотой след. С того времени, они намыли порядочное количество металла. Но, разумеется, довольствоваться малым они не собирались. Хотя близилась ужасные морозы. Ночью температура опускалась до двадцати градусов. От планов отправиться после в Доусон, разумеется, стоило отказаться: не было смысла тащиться туда с кучей золота из-за того, что там его было больше, если они уже нашли его здесь. Поэтому они приняли простое решение – как только оба участка исчерпают свои запасы, маленькая экспедиция тронется домой. Никто из их «соседей» и не догадывался, что два этих молчаливых пенсильванца смогли найти то, что они искали тут не меньше, а то и гораздо большее количество времени. Но в одном Эдвард Марлоу и его компа-

ньон точно не уступали другим старателям, а даже превосходили их – то, с каким отчаянием и усердием, не щадя себя, они работали. Вставали в пять утра, ложились за полночь, без устали они всю ночь жгли костры, а днем убирали оттаявший грунт, и так день за днем, погружаясь все глубже, натываясь на все большее количество золотиносных жил. Грязная работа ничуть не смущала одних из самых богатых людей штата. Лия не знала, сколько еще это продлится. Но не знала она и кое-что еще: хочется ли ей, чтобы все это быстрее закончилось или нет. Какие-то странные ощущения стали посещать ее за три недели пребывания здесь. Она как будто училась заново мыслить, и это было похоже на то, как человек сызнова учится ходить. Неуверенно ступая своими дрожащими голыми ступнями на землю и делая первые неуверенные шаги, абсолютно точно зная, как это делается, но напрочь забыв ощущения, которые создаются при этом. Нечто подобное происходило с Лией. Девушке казалось, что ее голову полностью очистили от мыслей, возникающих на протяжении прошлых лет ее жизни, и снова заполнили ими же, но вливая их одну за другой. Как капля за каплей наполняется стакан воды. Лия добилась чего хотела: дурные мысли о ее будущем на это время отступили, дав дорогу другим, но она поняла, что когда те вернутся, это будет подобно торнадо. А пока она училась. Училась слушать.

Темнело в эту пору рановато, но мало кого это смущало. Обычно все работали практически до полуночи. Ночное, залитое заревом огней, небо напоминало Лие о тех вечерах, когда она вот так сидела у костра, а напротив нее сидел, поджав под себя ноги по-турецки, их садовник мистер Сорроу, или как звали его все по имени – Тед, и они разговаривали о простых мелочах. Несмотря на свое крестьянское происхождение, Тед Сорроу был весьма грамотным человеком. Он любил в свободное от работы время присесть под тенистой яблоней в саду и почитать излюбленную им книгу. Обложка на ней была растрепана, но бережно склеена по корешку. Было очень трудно прочесть название, да никто и не интересовался толком, считая верно, что раз садовник читает книгу, то это может быть только руководством по уходу за виноградником или о чем-то другом, связанным с его работой. И лишь только по взгляду Теда Сорроу было понятно, что это нечто другое. Когда он открывал этот растрепанный, но все такой же живой, будто просто постаревший, как человек, томик и начинал читать, его глаза, будто загорались волшебным огнем. Казалось, что он смотрится в зеркало, но в отражении видит кого-то другого, и этот кто-то нравился ему, Теду, определенно больше его самого.

Именно эта книга помогла познакомиться, а позднее крепко сдружиться тринадцатилетней девочке и пожилому садовнику поместья Марлоу. Теду Сорроу шел уже шестой десяток, но тот явно не выглядел на свой возраст. На первый взгляд ему можно было дать не больше сорока. От него приятно пахло табаком и прелыми листьями, его еще не затронутые сединой волосы всегда были аккуратно зачесаны назад, обнажая его, покрытый тонкими морщинами, лоб. Он носил серый комбинезон с большим карманом на груди, в котором лежали небольшие, но нужные в его деле инструменты, черную клетчатую рубашку и охотничью шляпу цвета свежевскопанной земли. За пояс его всегда были заткнуты садовые ножницы и киянка. Тед Сорроу был один из тех немногих людей, которые любили свою работу. Он буквально жил ею. Лия часто наблюдала, как тот любовно ухаживал за цветами под ее окнами: шептал им что-то, тихонько насвистывал мелодии, которые она никогда не слышала, но которые казались безумно знакомыми. Рыхлил землю своими огрубевшими мозолистыми руками, опускаясь на колени и вдыхая дивный аромат, издаваемый этими кусочками радуги на тонких зеленых стебельках. Тед любил каждый этот цветок, как свое дитя. Он любил каждое дерево, каждый куст, каждую травинку в этом саду. Он был совершенно одинок, у него не было семьи, и Лия видела это, но также она видела, что, несмотря на свое одиночество, Тед Сорроу вовсе не был несчастен. Он жил.

Лицо ее дорогого друга всплывало в воспоминаниях, и девушка ясно видела его в отражении языков костра, будто это было отражение ее собственной души. Огонь пожирал ледя-

ную корку, которая покрывала землю, а добравшись до земли, пожирал и ее. По крайней мере, так казалось Лие.

«Наверное, если бы земля могла кричать, она бы кричала голосом Теда», – подумала девушка, проведя кончиками пальцев по мерзлой земле, словно пытаясь нащупать ее пульс. Мистер Сорроу не уставал всякий раз напоминать ей, что земля такая же живая, как и все звери, птицы и люди. Что земля тоже испытывает боль, печаль, страх, радость, что если прислушаться, то можно услышать ее голос и поговорить с ней. И каждый раз, когда он упоминал об этом, девушке и вправду казалось, что она чувствует «голос земли». Только она не понимала его.

– Это приходит не сразу. Со временем, ты научишься, – говорил садовник, улыбаясь кончиками своих похожих на порез коры дерева, губ. – Ты будешь слышать, и понимать ее, как человека.

Эти слова, как и практически все, что говорил ей Тед Сорроу, прочно засели в ее памяти. И сейчас, сидя у входа в хижину перед тлеющим костерком и пытаясь услышать и понять, что говорит ей земля, Лия вдруг начала различать среди всего этого гвалта *ее* голос. Земля просила уйти. Она буквально молила об этом. Но ее тут же перебил волчий вой, который доносился со стороны леса. По крайней мере, Лия, думала, что это был волк. Эта песня отвлекла ее от мыслей о Тед Сорроу и его словах, и девушка, встрепенувшись, будто сбросив дрему, оглянулась вокруг. Все уже закончили работать. Ее отец, как и его друг уже спали. Огни стали пылать с еще большей силой, чтобы за ночь оттаяло как можно больше грунта, и относительная тишина постепенно начала захватывать берег. Становилось все холоднее. Хотелось укутаться в теплое одеяло, но сна не было ни в одном глазу, поэтому Лия встала, зашла в хижину, достала из своего рюкзака теплый вязаный шарф и снова вышла. Шарф был длинный, поэтому обвязав его вокруг шеи два раза, она сунула его концы в карманы куртки, чтобы не испачкать. Там, внутри их временного пристанища, пахло потом, смолой и огнем. Пытаться уснуть там, было сродни безумию. Подул холодный северный ветер, и вой его был похож на вой волка. Лия зашла за стену, чтобы не превратиться в его добычу. За этой стеной хижины росло небольшое деревце. Наверное, единственное, не срубленное деревце в радиусе трех миль. Девушка разожгла костер, и когда он принялся, подложила несколько небольших поленьев в его пасть, и пламя мгновенно поглотило их. Усевшись на слой подстеленной под деревом коры, которая предназначалась для растопки, Лия откинулась назад, и посмотрела на небо. Столько звезд она не видела никогда.

– Наверное, так выглядим и мы в глазах Бога, – прошептала девушка, глядя вверх – Просто точки на черном, как наши души, полотно, созданном шутки ради.

Глава 3

Черные стражи

Костер тлел, отражаясь в глазах, окруживших его и протягивающих к нему руки. В воздухе висело нервное напряжение, казалось, что исходящий от этих людей страх, не дает огню разгореться во всю свою мощь, запеть, выплескивая искры, наполнить живым треском эту ледяную пустыню. Их было не больше дюжины. Все хмурые, с впавшими глазами и резкими чертами лиц.

– Как думаете, как долго все это будет продолжаться? – спросил, будто самого себя, негромко один из них. На щеке у него была выбита татуировка в виде спирали с четырьмя черными точками по каждой из сторон света, словно на компасе.

– О чем это ты, Кетл?

Кетл, отвернувшись от костра, посмотрел себе за спину, будто боясь, что их подслушивают, затем снова обратился лицом к огню и еще тише произнес:

– Ты понимаешь о, чем я Хуцк. Тебе, как никого должен волновать этот вопрос. Сколько еще мы должны делать это?

– Я слышу сомнение в твоём голосе, Кетл? Не говори мне, что ты боишься. Мы делаем то, что должны, мы защищаем нашу землю, как должны защищать свое племя, как и все, что нам дорого, неужели ты усомнился в этом? – Голос Хуцка звучал надменно, его глаза горели, руки были крепко сжаты, а племенная татуировка на щеке ярко выделялась на фоне его, испещренного мелкими шрамами, лица.

– Тогда почему мы забираем себе эту кровь земли, разве ради нее мы решились на все это? Или ты забыл, брат мой, что все, что принадлежит нашей матери-земле, мы можем брать только, чтобы сохранить себе жизнь, иначе она разгневается. Неужели ты не страшишься ее гнева?

На минуту воцарилась тишина, они смотрели друг другу в глаза; один с грозным спокойствием, другой явно с замешательством вперемешку с непоколебимой уверенностью в своих словах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.